

СТРОЙКА НА ГОЛОДНОМ ПАЙКЕ!

Тов. Асташев! Вы связали строителей по рукам и ногам. Где траверсы на эстакады Д1-1 и Д1-3? Когда будут на стройке арматура и бетон?

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 9 (530)

среда,

26 октября

1966 года

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС и ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ТРЕСТ «Железобетонстрой» поставляет сборные конструкции строительным организациям, сооружающим комплекс капролактама-3. С вводом в строй действующих этого комплекса производство лактама на Ново-Кемеровском химкомбинате станет самым мощным в Сибири и на Дальнем Востоке. Но тов. Асташеву, управляющему трестом, это строительство кажется; по-видимому, какой-то игрой в бирюльки. И в этом нас убеждают факты. Впрочем, судите сами.

Вместо того, чтобы снабдить строящийся корпус 2001 капролактама-3 арматурой, необходимой для сооружения фундаментов, трест ЖБС в срочном порядке изготовил все, что должно находиться выше нуля. И хотя обескураженные строители в страхе отказались от слишком ранней поставки сборных железобетонных конструкций и сидели в ожидании, когда железобетонщикам надоест платить неустойки за то, что колонны, балки и плиты в бездействии пролеживают себе бока и спины на полигонах треста, последние продолжают упорствовать. На 2002 корпус вместо сборных железобетонных конструкций каркаса они привезли железную раму, ворот и соросили ее в грязь. Так и стоит сиротой корпус (вернее пустой котлован), а рядом, как памятник головоупыству, высится ворота, наполовину скрытые под горами мусора и земли.

Недавно на один из корпусов было доставлено уйма сорных железобетонных конструкций. Строители обрадовались и ринулись вместе с кранами и прочими механизмами монтировать каркас. Но все привезенное нмущество от-

Специальный выпуск газеты «Кузбасс» на стройках большой химии

Вниманию партийного штаба

УКРОТИТЕ СТРОПТИВЫХ!

носилось к 3, 4 и т. д. этажам. Опирайте все это на воздух строители, естественно, не решились.

Последнее время железобетонщики решили специализироваться в другой области, а имен-

но в выпуске продукции с явным и тайным браком. Завезли они к 2023 корпусу 44 мощные колонны, которые при более тщательном осмотре оказались бракованными. Когда увозили их на свалку, представителям треста было много стыдно. И, наверное, потому взамен они ничего не привезли и оставили корпус на произвол судьбы.

Напрасно строители участка № 5 СУ-2 (нач. участка тов. Кондрашина) в справедливом возмущении заламывали руки. Руково-

дители треста «Железобетонстрой» объявили строителям «бетонную» и «арматурную» голодовку. Известно, что «Железобетонстрой» обязан поставлять арматуру и готовые каркасы для фундаментов комплекса. Но в тресте решили, что лучше всего в подобной обстановке действовать иначе. Так, в сентябре вместо необходимых стройке 120 тонн арматуры было доставлено лишь 8 тонн, т. е. менее 7 процентов. В октябре положение еще более обострилось. Всего на стройплощадку нужно доставить 270 тонн арматуры. Добрых три четверти ее строители дожидаться не могут до сих пор.

Бригада Масягина, работающая на 2002 корпусе, в прежние времена укладывала в фундаменты до 70 куб. метров бетона. Это были хорошие времена, когда бетон шел, что называется, рекой. А сейчас бетонные заводы треста открывают створки своих ворот для 6—10 куб. метров бетона в сутки. И это на все строительное капролактама-3. 18 октября, например, вместо заказанных 30 куб. метров бетона пришло 6, а 19 октября на 12 часов дня из 50 — 5. Эти «пасочки» до того довели начальников участков СУ-2 Ваймана Ф. Г. и Голузова В. Ф., что они боялись глаза показать в

бригады, занимающиеся кто во что горазд.

— Но это еще ничего, — говорит тов. Вайман. — Понравилось, например, начальнику бетонного узла трампарка тов. Шапалозу брак нам поставлять. Попробовали мы несколько раз отказаться от бракованного бетона, так он объявил нам настоящую голодовку. По неделе, по две бетон на стройке не появлялся. И что вы думаете, этот «бракодел межтрестовского масштаба», как его стали называть на стройке, поставил таки нас на колени. Теперь мы не отказываемся от любого бетона, лишь бы работать, а не сидеть. Не удивляйтесь, если некоторые из фундаментов впоследствии окажутся слабыми и не выдержат

многократной тяжести здания.

Подобные эксперименты представителей треста «Железобетонстрой» привели к тому, что нулевой цикл капролактама не был закончен к холодам. Дно котлованов мокрое. И без того слабые грунты, придется укреплять, на что потребуются дополнительные средства.

На очередном заседании партийного штаба стройки будет рассматриваться положение со снабжением стройки железобетоном. И хотелось бы, чтобы тов. Асташев объяснил вразумительно причины срыва поставок бетона и железобетонных конструкций для объектов строящихся комплексов.

Исправить промах нужно немедленно.

САПОГИ ВСМЯТКУ

— Привет, коллеги!
— Здорово, Фомкин!
— Рассказать вам притчу?
И, несмотря на наши возражения, Фомкин начал рассказывать: «Встретились два друга. Один другого спрашивает: «Ты что это нос повесил?». «Да вот, — отвечает тот, — женился». «Так это хорошо!». «Хорошо, да не очень — жена скупая», «У, это плохо». «Плохо, да не очень — она мне дом купила». «Так это хорошо». «Хорошо, да не очень. Дом-то сгорел...». «Это плохо!». «Плохо, да не очень — она в нем осталась...».

Мы улыбнулись, а Фомкин продолжал:

— Захожу я на днях в раскомандировку монтажников 2-го управления, что на серной кислоте. Свет у них — хоть очки светофильтры надевай. «О, у вас хорошо!», — говорю. «Хорошо, да не очень», — отвечает Сараев, начальник участка. И не успел я спросить, почему же «не очень», как свет погас. «Ну как?» — слышу из полутьмы вопрос. «Да, это плохо», — отвечаю. «Плохо, да не очень — сейчас зажжется».

Вдруг влетает в раскомандировку парень — и к Сараеву: «Что за дьяволища! Только ткнешь электродом, как тут же автомат вырубает».

— Так это хорошо! — говорю. — Защита, значит, работает.

— Не очень хорошо! — отвечает мне бригадир слесарей-монтажников Пышкин. — Мы из-за этого на простое сидим. Сейчас зовсю идет сварочные работы, а что это за работа, когда тебя дергают, как все равно за нервы. «Да, это плохо», — согласился я. А чтобы я окончательно убедился, что это действительно плохо, мне показали на улице бляхающий между небом и землей груз, поднятый лебедкой. Мы посмотрели на него снизу вверх. «Да это плохо», — повторил я.

И все из-за того, что весь комплекс серной кислоты питается от одного кабеля, сечения которого и так маловато. А тут еще к кабелю действующий цех подключен.

Исправить положение можно. В управлении химкомбината на этот счет есть даже решение: запитать тот самый цех, который сидит на одном кабеле с серной кислотой, — от другого источника, а освобожденный трансформатор оставить для питания стройки. Вот это и будет хорошо. Да только у главного энергетика химкомбината тов. Оленева пока руки до этого не доходят. Все никак притчу забыть не может.

Р. ЛАМПОЧКИН.

На утеплении корпуса

Фото В. Кафо.

НАШЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО

ГДЕ ТЕПЕРЬ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС?

Чудак! Разве вам не известно, что по последним предположениям ученых, сдвинулся в 1003 корпус каптакса? Не верите? А вы сходите туда. И термометр с собой прихватите. Сразу убедитесь, что гипотеза имеет вполне реальное обоснование.

ЧТО ТАКОЕ ЭСТАКАДЫ?

Самая большая недоделка строителей.

КУДА ДЕВАЛИСЬ «БЕ- ЛЫЕ» МУХИ?

Никуда! Полчища их обитают во многих корпусах каппролактама-2 и серной кислоты. Теперь их только теплом оттуда выгнать можно.

СЛОВАРЬ ДЕДА МОРОЗА

АВРАЛ — согревание носа рукавицей.

АРКТИКА — насосная 956 корпуса каппролактама-2.

БАЛКА — дефицитная штука для строителей.

ВЫГОВОР — костер, который может согреть прораба, провалившегося под подготовку к зиме.

ГРАДУСНИК — барометр, предвещающий бурю.

ЕМЕЛЯ — персонаж из сказки об «объективных» причинах мешающих утеплению корпусов.

ЗИМА! — возглас прораба в холодной раскомадировке.

ТЕПЛО — это то, чего я боюсь.

ШУБА — моя спецодежда. Рекомендую для строителей и монтажников химкомбината.

КОГДА проходишь по территории строительства третьей очереди каппролактама, на глаза обязательно попадает груда темных ящиков различного размера, под которой занята значительная площадь. Тяжелые контейнеры сиротливо стоят на мокрых осиновых бревнах. Стоят, покрытые первым снегом, с сосульками по бокам. Не думайте, что это какая-то тара из-под пива. Совсем нет. На контейнерах специальной красной краской нанесены надписи на иностранном и русском языках, одна из которых гласит: «Хранить только в теплом складе!». Это дорогостоящее импортное оборудование для строящегося гиганта и стоит оно здесь потому, что склада как такового еще нет. Вернее, есть коробка, есть крыша, но оборудование ставить все же некуда.

В конце сентября руководители химкомбината вместе с начальником СУ-2 треста «Кемерово-Химстрой» тов. Куликовым побывали на строительстве склада и решили форсировать его ход. Тов. Куликов был согласен на все. Но это был хитрый ход «конем». Через день все строители были сняты с объекта и переведены на другие участки.

Сейчас строительство склада импортного оборудования ведет участок № 5 СУ-2 (начальник участка тов. Кондрашина). К корпусу подводится тепло, в нем производится остекление оконных проемов. Но большинство строителей на полупустое. Нет асфальтобетона, битума для производства полов и кровли. Завод стройматериалов треста «Кемерово-Химстрой» (директор тов. Гошко) срывает все графики их

На осиновых бревнах...

поставки. Строители по сей день не приступили к монтажу подъемного оборудования, без которого тяжелые контейнеры доставить в склад будет невозможно. Дело стало из-за специальных болтов, которые где-то заказаны, но когда будут на стройке — неизвестно.

Начальник участка «выбивает» асфальтобетон, мастера бегают в

поисках болтов, но оборудованию от этого не становится теплее. Оно ржавеет под открытым небом. Словом, имеется самая реальная опасность — за порчу его платить неустойку золотом.

Впрочем, платить придется так или иначе. Но это уже не по вине строителей и монтажников, а проектировщиков Кемеровского филиала ГИАПа.

При получении контрактов на поставку оборудования для производства каппролактама и препарата «4010» в 1965 году отделом оборудования химкомбината (нач. отдела И. Гордиенко) был составлен расчет на потребную складскую площадь и направлен проектировщикам. Расчет предусматривалась площадь в 26,563 кв. метров. Но сотрудники ГИАПа решили не отставать от передовой научной мысли и внесли в проект свои изменения. Начались всевозможные совещания и дискуссии. Главный инженер Кемеровского филиала ГИАПа тов. Заичко доказывал, что такое количество складской площади не требуется, т. к. монтаж оборудования будет осуществляться в основном «с колес». Руководство химкомбината, не учитывая практики строительства подобных объектов и не желая портить с проектировщиками отношения, смирились с предложениями ГИАПа и засунули свой расчет под сукно. В смету было заложено строительство склада площадью 5200 квадратных метров, т. е. в пять раз меньше потребной, что мы и можем видеть в настоящее время выполненным в натуре.

Но на деле монтажа оборудования с колес не получилось. Пока велись споры о несущей способности грунта в котлованах комплекса каппролактама-3, пока раскачивались строители СУ-2 и треста «Строймеханизация», дорогое время ушло. Из-за плохого

снабжения асфальтобетоном и бетоном стройка застряла «на нуле» и сейчас медленными темпами сооружаются лишь фундаменты, а до монтажа оборудования еще не один месяц.

Что же получается? Оборудование для производства препарата «4010» и лактама поступает каждый день. Для его размещения потребуется огромная площадь складов, отопливаемая согласно фирменным инструкциям. Но ее фактически нет.

Руководителям Главкузбасстроя, «Кемерово-Химстрой» и треста «Кемерово-Химстрой» в ближайшие дни необходимо форсировать работы по завершению строительства склада площадью 5200 кв. метров и изыскать дополнительные площади для размещения оборудования.

Если не осуществить этих мер, то по вине вышеперечисленных организаций может выйти из строя импортное оборудование на несколько миллионов рублей. Кто тогда за это ответит?

О КУЗЬМИН.

ВОТ ТАК ФОКУС!

ХОДИЛ я недавно в цирк. Там белорусский коллектив выступал. Приятная, надо сказать, программа. Только вот иллюзионист ихний не удивил. Ну что там за иллюзии? Подумаешь, голову потерял? Да у нас на стройке почище фокусы бывают.

Вот вчера, например. Иду я мимо 977 корпуса каппролактама. Смотрю на здание и глазам не верю. Два дюжих молодца отбойными молотками стенку крошат. И внизу компрессор так сильно пофыркивает.

— Братцы! — кричу. — Что вы делаете? Зачем здание рушите?

— Отойди, Кузьма, не волнуй! Сами диву даемся. Но, наверное, главному инженеру СУ-1 «Кемерово-Химстрой» тов. Волкову видней. К самому иллюзионисту Шагу из белорусского цирка на консультацию ходил, советовался.

Глянул я повыше и обомлел. Крыши-то на здании нету. И балок тоже.

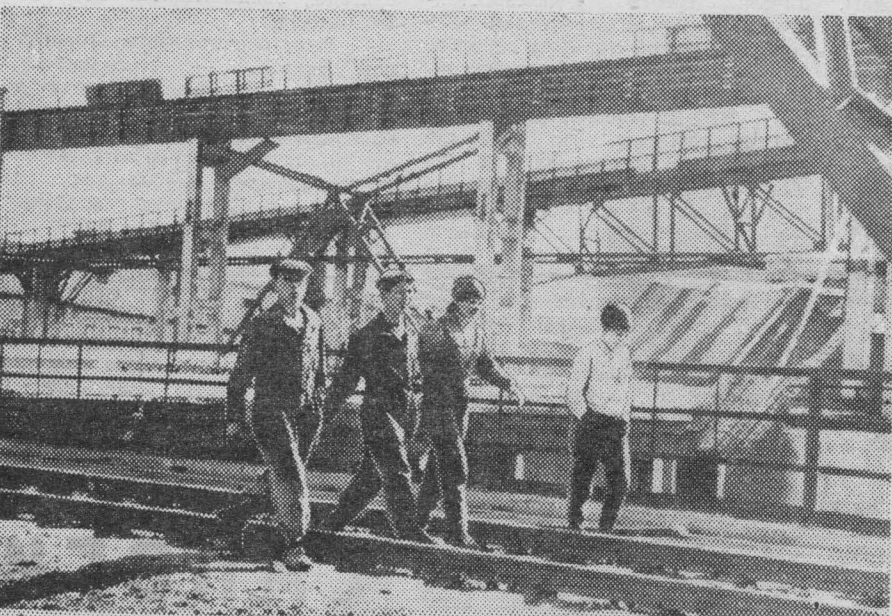
— Куда крышу-то, — спрашиваю, — девали?

— В том-то и дело, что сами не знаем. Говорят, не было вовсе. И балок перекрытия — тоже.

Но тут я сразу смекнул в чем дело. Плевый фокус оказался. Просто в спешке строители забыли их поставить, торопились «вал» по кладке дать. А сейчас время подошло корпус сдавать, да ведь без крыши ни одна самая что ни на есть близорукая комиссия его не примет. Вот и ломают они стену, чтобы балки затащить и крышу поставить.

Такого и сам Анатолий Шаг не придумает. Верно я говорю?

Кузьма МЕТЕЛКИН.

Р. МАХАЛОВ

НОСИК ПУГОВКОЙ

Г АНЮША Кторов совсем красавица... Только носик у нее пуговкой. И от этого вся серьезность летит кувырком. Вчера подходит к ней паренек. Высокий такой, кучерявый. Монтажный пояс на все застежки затянут. И говорит:

— Я тебя, Таня, сегодня в кино приглашаю. На очень чувстви-

тельный фильм, в котором про любовь говорится.

А она на него смотрит и отвечает сдержанно:

— У меня, Вася, сегодня занятия в техникуме. И вообще, я чувствительные истории терпеть не могу!

А девочки, которые все-все знают, терпеливо ждут, когда эта перебранка закончится. И одна из

У ВЕРЫ Залесской совсем не строгие глаза. Даже наоборот — слишком синие и немножко застенчивые. И ни на какого начальника она вовсе не похожа. Наверно, очень злой человек прораб, если заставил командовать ее целым взводом.

Ребята в военных бушлатах легко, спорно, будто играючи, работают. Подтрунивают друг над другом. Здоровенные парни. Острые на язык, жадные до работы. Еще бы — они первый день на стройке!

Вера стучит ботинками по хрупкому снегу. Прячет в рукава маленькие руки в тонких перчатках. Холодно девочке. И очень обидно: за какие грехи поставил ее сюда прораб? И перед ребятами

неудобно: подумают — белоручка.

А у хлопцев — морозный парок из рта, как струйки папирозного дыма. Горячие, возбужденные лица. Они совсем не замечают девочки. А может, просто стараются не замечать.

Командирша зло пинает ботинком обломок кирпича. Говорит белобрысому парню, который никак не может зацепить крюком поддон с кирпичом:

— Давай, что ли, помогу!

Тот смотрит на нее снисходи-

Незидуманные истории

них, с голубыми смешливыми глазами, говорит Васе:

— Ты Танюшу с учебной линии сбивать не смей!

Уходит монтажник. Злой и сердитый. А у Танюши губы чуть-чуть подрагивают. Волнуется, наверное.

Тут подходит к ней бригадир и говорит так, как будто ничего не было:

— Завтра, девочки, в театр идем. Тебе, Танюша, — два билета. Бригада тебе с Васей помириться обязывает. Все-таки неплохой парень. Монтажник. Да еще с нашей стройки.

НАЧАЛЬСТВО

тально и отвечает будто в шутку:

— Ладно, как-нибудь без вас управимся, товарищ начальник!

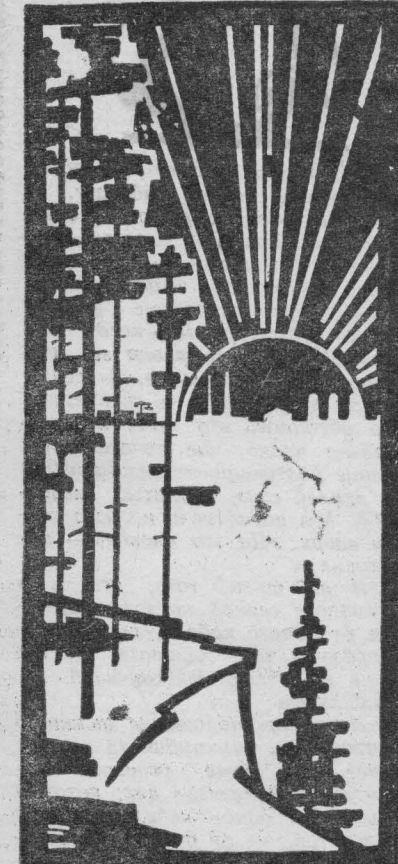
— Никакой я не начальник, а бригадир штукатуров, — наконец разозлившись, кричит девочка. — И дисциплину на стройке нарушать не позволю!

Все ребята поворачивают в ее сторону головы... И видят: стоит девочка злая, растерянная. В инее ресницы и брови. А глаза синие-синие. И каждый думает: вот нам бы такую в бригаду...

наш
адрес
и
телефоны

Кемерово-99, ул. Трудовая, 64, редакция газеты «Кузбасс», строительный отдел, телефон 6-67-46.

Ответственный за выпуск
А. ИВАЧЕВ.

Выпускник Ленинградского университета, поэт В. Махалов был одним из зачинателей «Кузбассенки». Миниатюры написаны с натуры. Все это было на нашей стройке.